

Ю. В. Завельский

**ЕЩЁ РАЗ ОБ УЧИТЕЛЕ:
МЫСЛИ ВРАЗБРОС**

МОСКВА
2017

УДК 371
ББК 74.2
3-13

Завельский Ю. В.

3-13 Ещё раз об учителе: мысли вразброс. – М.: Прометей, 2017. – 58 с.

ISBN 978-5-906879-62-2

В 2015 году вышла книга Народного учителя России, бессменного директора Московской гимназии на Юго-Западе № 1543 Юрия Владимировича Завельского «О школьном учителе: мысли вразброс».

Книга, которая перед Вами – продолжение размышлений автора о прекрасной и сложной профессии учителя.

Книга может представлять интерес для всех, кто связал свою судьбу с учительством, и для тех, кто интересуется проблемами образования.

Фотографии А.Л. Удимова и А.В. Бассель

Макет обложки – Е. Трифонова

ISBN 978-5-906879-62-2

© Завельский Ю. В., 2017

© Издательство «Прометей», 2017

Как важны для ребёнка первые школьные шаги! Потом они невольно отзовутся, несмотря на их затухание с годами, во всей последующей жизни человека. Мы понимаем значимость этих первых шагов для формирования таких умений, как умение читать, писать, считать, которыми должна вооружить начальная школа ребёнка, но часто забываем о такой важной способности, без которой полноценный человек состояться не может, как умение преодолевать трудные испытания, которые ложатся на плечи человека в течение всей его жизни.

Без **энергии преодоления**, заложенной в человеке с раннего детства, выдержать достойно эти испытания невозможно.

Вот выработкой такой энергии и должны заниматься учителя начальных, а за ними учителя старших классов.

Урок в начальной школе, который невольно заставляет ребёнка задуматься, может быть, не сразу найти правильный ответ на поставленный вопрос, поразмышлять над трудным заданием, и явится для него первой школой преодоления.

Трудности для ребёнка в учебном процессе не надо создавать искусственно. Вместе с тем зачастую странно на уроке видеть «лес» ребячьих рук на поставленный учителем вопрос: значит, вопрос был для ребят лёгким, не толкающим их к размышлению, к умственному напряжению.

Замечено давно, что часто тем ребятам в старших классах учиться трудно, которым в начальной школе было учиться легко. И не только потому что усложнился учебный материал, который осваивать стало

труднее, но ещё и потому, что не заложена вот эта энергия преодоления.

Вспомним начало романа Толстого «Анна Каренина»: *«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».*

Перефразируя Толстого, можно сказать: все хорошие педагоги похожи друг на друга, каждый плохой педагог плох по-своему.

Впрочем, у плохих педагогов есть две объединяющие их черты. Первая – выборочное отношение к детям – от обожания одних до неприязни к другим. И дети им отвечают тем же.

Безусловно, у плохих учителей есть дети, которые их любят, точно так же как у плохого артиста есть свои поклонники, но при этом есть большое количество детей со скрыто выраженным негативным отношением.

Таких детей нет и, по определению, не может быть у хорошего педагога, поскольку, в отличие от плохого, каждый ребёнок ему интересен и по-своему дорог.

Уважительное, заинтересованное отношение к каждому ученику – вот первый признак хорошего учителя.

И второе. В основе деятельности хорошего педагога всегда лежит **метод убеждения** ребёнка; плохого – **требование** к нему. Первый воспитывает характер, из которого вырастают добрые поступки; второй – простое послушание. Разница существенная.

Всё-таки учительская **профессия** рассчитана на **талантливых людей**. Она не терпит усреднённости: «посредственный учитель» звучит также нелепо как, к примеру, «посредственный поэт». Посредственный поэт – это вовсе не поэт.

Но, в отличие от учителя, посредственного поэта можно не читать. Куда деваться ребёнку от посредственного учителя?

Вопрос, который невольно себе задают себе и дети, и родители. Вопрос этот, увы, вечный, и ответить на него не просто.

А вот зачем нужен школе талантливый педагог, ответить нетрудно. Дело всё в том, что каждый ребёнок, в общем, как и каждый человек, – это тайна. Тайна, которую надо разгадать. Без этого выстроить его образование, вырастить его как личность невозможно. А это под силу только талантливому учителю, который чувствует ребёнка, как никто.

Парадокс состоит в том, что при массовости учительской профессии и одновременно её уникальности, соединить эти два начала в каждом учителе практически невозможно. Где найти такое количество талантов? Тем более это повышает значимость талантливых людей в педагогике.

Учитель – профессия вечного ученичества.
К сожалению, далеко не каждый учитель это понимает. Специфика учительской профессии такова, что пополнение знаний для него – процесс не только обязательный, но непрерывный, особенно, если учесть с какой скоростью в наши дни знания обновляются. При этом я имею в виду не только и даже не столько различные курсы повышения квалификации, сколько постоянную привычку учителя самостоятельно пополнять свои знания, привычку, которая формируется с самого начала педагогической деятельности. Более того, для талантливого учителя организованная форма учёбы иногда вообще противопоказана, поскольку любое навязывание чужих мыслей, без чего такой процесс невозможен, невольно создаёт конфликт с талантом, который мыслит по-другому.

Всю жизнь считал, что самая надёжная и полезная форма учёбы для учителя, как и для любого интеллигентного человека, – самообразование с его внутренней свободой, возможностью выбора, основанного на реализации личного интереса и своего смысла, вложенного им в своё образование.

Воспитание чувства долга.

Как это важно для растущего человека и как воспитание этого качества в человеке трудно даётся учителю. А ведь если внимательно присмотреться к повседневной жизни ребят, большинство провалов в их учебной деятельности связано с несформированностью этой важнейшей черты характера.

У многих взрослых людей, а они вырастают из таких ребят, отсутствие чувства долга, необязательность создают трудности не только им, но и людям, с которыми они связаны.

В рассказе И.С. Тургенева «Яков Пасынков» есть такая замечательная фраза: *«Наша жизнь не от нас зависит, но у нас у всех есть один якорь, с которого, если сам не захочешь, не сорвёшься никогда – чувство долга»*. Да, воспитать это чувство не так просто: в первую очередь нужны волевые усилия, а они даются подростку с трудом. Но в чувстве долга заложена не только воля к его исполнению, но и нравственная составляющая, понимание того, что что-то не сделанное тобой вовремя или сделанное плохо нанесёт ущерб не только тебе, но и другим людям, которых неловко подводить, одним словом, нанесёт ущерб общему делу.

Когда-то об этой ответственности человека перед обществом, в котором он живёт, хорошо сказал римский философ Сенека: *«Общество человеческое похоже на свод, где различные камни, держась друг за друга, обеспечивают прочность целого»*. Продолжая мысль Сенеки, можно сказать: эту прочность обеспечивает каждый из нас, выполняя своё, иногда небольшое и, как может показаться со стороны,

не такое уж значимое, дело и всё равно обеспечивая прочность этого громадного свода.

Надо постоянно детям говорить об этом, приучая их к мысли о том, что обязанность, которая ложится на твои плечи, называется так потому, что её нельзя не выполнить. Притом выполнить честно, качественно и вовремя. И в этом одна из основ нравственности любого культурного человека.

Как часто можно слышать сетования на **трудности учительской профессии!**

Об этом говорят люди, приобщённые к ней, и люди, казалось бы, далёкие от педагогики. Да, действительно, в учительской профессии, как, впрочем, в любой другой, есть свои трудности. В первую очередь – высокая эмоциональная нагрузка, как главная причина быстрого профессионального «выгорания» учителя.

И всё-таки, проработав с детьми много лет и даже десятилетий, смею утверждать, что **профессия учителя не столько трудна, сколько сложна.**

В чём же её сложность? Дело в том, что, сколько существует школа, столько идёт один, с моей точки зрения бессмысленный спор: а что собой, собственно говоря, представляет педагогика – наука это или искусство? Есть разные точки зрения на этот вечный вопрос.

Мой ответ таков: педагогика – это наука об искусстве обучения и воспитания человека. Это своеобразный симбиоз науки и искусства. И человек, занимающийся педагогикой, должен в одинаковой степени владеть как одним, так и другим. Обладать умением научного анализа разных педагогических ситуаций и проявлять подлинное искусство в работе с разными с педагогической точки зрения детьми.

В этом и состоит сложность учительской профессии, поскольку и наука и искусство требуют от человека высокой сформированности как интеллектуальной, так и эмоциональной сфер, иначе говоря, сочетания таких качеств личности, которое, увы, встречается в людях не часто.

И в этом уникальность педагогического труда и, следовательно, учительской профессии. И в этом же её сложность, которую не знает ни одна другая профессия на свете. И, возможно, в этой сложности и заложена та трудность, о которой мы так часто говорим, но и своя радость от приобщения к ней.

Мысль Станиславского, обращённая к артистам, о том, что надо любить искусство в себе, а не себя в искусстве, известна многим.

В афористичной форме он как бы выразил одно из основных этических требований к художнику. Что имел в виду Станиславский, формулируя своё требование к актёру?

Погоню за дешёвым успехом, которой заражены некоторые актёры, то, что он называл каботинством, стремление во что бы то ни стало понравиться зрителю, сорвать аплодисменты, что часто делается в ущерб подлинному искусству, разрушая правду сценического образа.

Я иногда, глядя на некоторых учителей, невольно вспоминаю Станиславского. Так и хочется сказать им его словами: друзья, **любите школу в себе**, а не себя в школе. Помните, что учительство – это не просто работа, а великое и честное служение детству. Будьте предельно требовательны не столько к ребёнку, сколько к себе. Не ставьте перед собой задачу непременно понравиться людям. Люди сами оценят ваш труд, и тогда слава придёт к вам без вашего стремления к ней.

Я часто встречал в своей жизни **учителей** страшно **амбициозных**. Среди них было много интересных и даже талантливых людей, но всех их объединяло одно качество: обострённое самолюбие, самомнение, иногда переходящее в спесь.

Малейшее замечание в их адрес тут же вызывало резкую ответную реакцию, их никогда не смущали собственные ошибки, поскольку, как правило, они их никогда не признавали. Эта неспособность правильно, разумно и спокойно оценить себя, спокойно воспринимать критику в свой адрес, просто задуматься над ней, несомненно, мешала им в работе, их внутреннему профессиональному росту. Но внушить им это было практически невозможно – тут же давали себя знать амбиции. И детям с такими учителями было непросто. И уж точно ни о какой педагогике сотрудничества с детьми речи быть не могло.

Мне кажется, что такая амбициозность, помимо врождённого характера, во многом – следствие неправильного воспитания ребёнка в семье. Так бывает, если в семье родился первенец или ребёнок растёт в семье один. Сколько радости он доставляет близким! Умиление, восторг, постоянные хвалебные реплики, нежелание обидеть его неосторожным замечанием, критически взглянуть на него роняют в его душу первые еле заметные зёрна будущего тщеславия, непогрешимости, которые потом, с возрастом, могут привести к ощущению своей исключительности.

Сколько таких людей, в том числе учителей, из-за этого остановилось в своём развитии, не сумев до конца реализовать свой незаурядный потенциал! Хотя сами они вряд ли это осознавали.

Каждый человек рождается Фаустом, чтобы всё обнять, всё испытать, всё (главное!) выразить, ибо жизнь – это не что иное, как **искусство самовыражения**; другого смысла, как мне кажется, у жизни нет.

Первые уроки этого искусства человек получает в школьной жизни с помощью учителей, которые, глубоко зная ребёнка, заинтересованные в нём, помогают ему реализовать всё богатство его внутреннего мира и обогатить его новым содержанием, чтобы потом во взрослой жизни это успешно использовать.

Искусство, о котором идёт речь, достаточно трудное и сложное. Надо уметь понять себя, иначе говоря, разгадать свои знаки и, главное, уметь прислушиваться к своему внутреннему голосу. И помочь ему в этом может только опытный, чуткий к ребёнку учитель, помочь в его будущих испытаниях, через которые он должен пройти для того, чтобы достичь тех целей, которые он поставил перед собой.

Чтобы в той жизни, которую предстоит прожить человеку, как можно больше обнять, испытать, необходимо одно, с моей точки зрения, важное условие.

В юности жизнь, которая у тебя впереди, кажется бесконечно долгой. На самом деле, прожив большую жизнь, на склоне своих лет могу сказать, что такой взгляд, к сожалению, – неизбежное заблуждение, обман молодости. Жизнь, увы, намного короче, чем нам бы хотелось. Гёте считал, что каждый миг нашей жизни – это дар, отпущенный нам природой. Он приходит к нам из вечности и в вечность навсегда уходит, никогда не повторившись. А раз так, надо каждое прожитое мгновение своей жизни уметь наполнить

богатым и интересным содержанием. Только при этом человек сможет многое в жизни обнять, многое понять, многое испытать, многое увидеть. Вот задача учителя – научить растущего человека ценить время, которое он проживает, ценить каждую его минуту, дать ему понять, что **время – это материал, из которого соткана жизнь.**

Подсчитано, что за одиннадцать лет своей школьной жизни ученик должен освоить учебный материал свыше 11 000 уроков. Через такое количество уроков он должен пройти, учась в школе. Разумеется, это разные уроки по своей значимости. Но вот что учитель должен хорошо понимать: в этой череде уроков, через которые ученик проходит в течение учебного года, два урока являются наиболее значимыми – первый в учебном году и последний. Первый урок, знаменующий собой начало курса предстоящего учебного года, это от начала и до конца типичный **урок актуализации знаний**. Надо постараться выстроить его так, чтобы ребята на этом уроке пережили восторг ожидания того, что их ждёт на будущих уроках в наступающем году, особенно если для ребят это совершенно новый предмет. А таких предметов много: в седьмом классе физика, в восьмом химия и так далее в зависимости от особенностей учебного плана школы. Именно этот первый урок года, как никакой другой, должен содержать что-то, что вызовет удивление, изумление, восторг ребят, одним словом, – то, что они будут помнить, когда всё забудут. Это может быть интересный факт, неожиданное открытие, красивый опыт, нестандартный подход к уже известному и прочее. В этом и будет состоять «изюминка» такого урока.

Разумеется, всё это должно присутствовать на каждом последующем уроке, но для первого урока это особенно значимо. Учителю важно поддержать тот интерес, который возникнет у ребят на таком уроке, и не дать угаснуть ему в течение года. Здесь важно не столько педагогическое мастерство учителя,

сколько его эрудиция, образованность в самом широком смысле слова, высота общей культуры, умение буквально «захватить» ученика интересом к новому знанию.

Последний урок в году не менее значим: подведение итогов года. Если первый урок – это актуализация знаний, то последний урок – это **урок рефлексии**. Как и к первому уроку, к нему надо готовиться долго и тщательно. В сущности вся работа в течение года и есть подготовка к этому итоговому уроку.

Если на первом уроке ведущая роль принадлежала учителю, то на последнем такую роль во многом выполняют ученики. На таком уроке они демонстрируют свою способность к самопознанию, к самоанализу.

Вопросы учителя на таком уроке помогают такому самопознанию:

– *Какие уроки и почему запомнились тебе как самые интересные?*

– *Какой материал оказался трудным для усвоения?*

– *В чём ты видишь причины этих трудностей?*
И т.п.

Такие вопросы можно дать ученикам заранее, в форме анкеты, а на уроке вопросы анкеты обсудить.

Особенно важен такой урок в 11-м классе, когда ребята заканчивают школу. В этом классе таких уроков может быть даже не один, а два. И такой урок должен несомненно запомниться им надолго, а может быть на всю жизнь. Каждый из таких уроков демонстрирует профессионализм учителя, его методическое мастерство, высокий уровень образованности и широту кругозора в лучшем смысле этого слова.

Самое трудное в жизни – **суметь найти себя**, найти своё призвание.

Между тем призвание – одна из величайших тайн жизни, и разгадать её не так просто. Это как потайная дверь, которую ты нашёл, открыл, а там солнце, воздух, высокое небо над головой, запахи, звуки – ты нашёл свою потайную дверь, ты нашёл своё призвание!

Призвание, как и **талант**, – **это страсть**. Её не так просто не только найти, но и выразить:

*О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.*

– писал Б. Пастернак.

Вообще, есть что-то загадочное в том, как человек узнаёт о своём призвании, как страсть постучалась к нему внезапно.

И сколько людей, окончив школу, не найдя свою дверь, мечутся в её поисках, ища своё место в жизни, которое бы стало для них заветным! И сколько из них, не найдя его, так и проживают жизнь в обнимку с нелюбимым делом!

Почему школа в этом смысле оказывается часто беспомощной в решении этой важной для многих проблемы?

Дело в том, что школьный учитель в основном занят предметной педагогикой. Для него важно вооружить каждого ученика определённой суммой знаний и специальных умений с целью глубокого и прочного их усвоения. Он меньше всего думает о призвании ученика, хотя для него важны способности каждого

ребёнка, которые помогут ему в овладении конкретным предметом, в его будущем призвании. Такие ребята с ярко выраженными способностями обнаруживаются в разных образовательных областях, хотя их не так много. Для них это могут быть первые ростки будущего призвания. Но как быть с остальным большинством обладающих скромными способностями, не говоря уже о том, что склонность к какому-то знанию может выходить за рамки содержания школьных занятий и обнаруживаться совсем в других областях деятельности. Здесь нужна, по-видимому, некая система, опирающаяся на глубокое знание и понимание интеллектуальной сферы ученика, которой, увы, в сложившейся форме в школе нет.

А должна ли она быть? Должен ли учитель, в частности классный руководитель, вместе с психологом её выстраивать? Разумеется, да! Но вот, как – остаётся вопросом.

Не помню, кто сказал: **человека делают** вовсе не родители и не школа, а **случай, поступок и подвиг**. Может быть в чём-то это и верно. Но если это так, то готовность с достоинством использовать представившийся тебе случай, совершить красивый поступок – эта готовность формируется всё-таки во многом в семье и школе. И нравственное воспитание, о котором мы так часто говорим, направлено как раз на то, чтобы человек в любом случае вёл себя достойно, не теряя лица.

Может быть, именно в этом заключена суть воспитывающей деятельности учителя?

Что такое мастерство?

Мейерхольд определял его так: это когда «что» и «как» приходят одновременно.

Разумеется, Мейерхольд имел в виду актёрскую профессию. Но ведь в учительской работе происходит то же самое. Содержание – (что) и форма – (как) у учителя-мастера сливаются на учебных занятиях в единый процесс. Содержательная часть (что) опирается на его глубокую подготовку по специальности, его широкий кругозор, высокую общую и профессиональную культуру.

Намного сложнее определить форму занятия, методику его ведения, иначе говоря, «как». Как организовать на занятиях взаимодействие учителя и учащихся, а также учащихся друг с другом, как найти такие формы подачи учебного материала, которые бы вызвали интерес ребят, помогли им лучше его усвоить, и много других вопросов, которые стоят перед учителем и которые он должен решить. И уж совсем не так просто найти содержание и форму в воспитывающей работе учителя, поскольку эта работа целиком и полностью опирается на творчество учителя, его креативные способности, которыми, увы, далеко не каждый учитель обладает.

Эти умения обязательно придут к учителю вместе с его опытом при вдумчивом и тщательном осмыслении каждого шага своей работы.

Думаю, что **тяга к познанию** заложена в человеке генетически на уровне инстинкта. Этот инстинкт проявляется по-разному. Он зависит от способностей, которыми наделила природа человека, и культурной среды, в которой человек сформировался.

Таким образом, у одних стремление к познанию осталось на самом примитивном уровне – людей неглубоких, поверхностных. У других на уровне глубокого постижения не только жизни, в которой они живут, но познания самого себя. Это последнее – самопознание – особенно важно, ибо познать самого себя в принципе достаточно трудно. Вместе с тем без самопознания невозможно в достаточной степени понять тот мир, в котором ты живёшь. Хороший, квалифицированный учитель и должен помочь ученику познать себя.

Этот процесс у человека проходит обычно на уровне **рефлексии**. Задача учителя приучить ученика к рефлексивной деятельности. В начальной школе, в 5–7 классах большинство уроков могут заканчиваться такой рефлексией:

- что тебе показалось на уроке самым интересным?
- а неинтересным, скучным?
- какие части урока вызвали трудности для понимания?
- как ты думаешь, почему?

Такие вопросы и подобные им постепенно формируют у ученика склонность к самоанализу, без которого творческая деятельность любого человека невозможна.

В старших классах рефлексией должны заканчиваться заключительные уроки по теме. Вот почему учитель должен безупречно владеть методикой рефлексивной деятельности детей и постоянно использовать её в своей практической работе.

Очень часто про себя и вслух повторяю известные пушкинские строки:

*Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...*

В этих четырёх строчках **полный портрет учителя** – каким он, учитель, должен быть. И, в сущности, вся программа его деятельности.

Это он образует нас, иначе говоря, – создаёт.

И он же, учитель, воспитывает наш пламень – готовность к благородным поступкам, чистым душевным порывам, к подвигам и славе.

И как важен этот краеугольный камень, который поставлен им: мировоззрение, мировосприятие, чёткий и ясный взгляд на жизнь, в которой нам предстоит жить.

И наконец, эта чистая возженная им лампада – лампада любви, высокого и бескорыстного служения Отечеству.

Невольно вспоминается вдохновенная речь Куницына при открытии лица – блистательный образец гражданского воспитания юных лицеистов.

Каким же надо было быть этому человеку, чтобы потом через годы, совсем уже взрослый Пушкин (Пушкин!), уже знаменитый русский поэт, готов был отдать ему дань своего сердца!

Всегда считал **мобильный, подвижный, гибкий ум** важнейшим условием высоко-го профессионализма учителя. Такой ум позволяет не только правильно оценить быстро меняющуюся педагогическую ситуацию, но и отслеживать те изменения, которые происходят в том или ином ученике по мере его взросления, и в зависимости от этого менять свой взгляд на него. К сожалению, многим учителям менять свою точку зрения на ученика бывает не так просто, поскольку эта точка зрения достаточно устойчива.

Как-то в записных книжках одного из русских поэтов-эмигрантов первой волны, который писал под псевдонимом Дон Аминадо, я нашёл такую фразу: *«Ничто так не мешает видеть, как точка зрения»*. И тогда я подумал, как это верно подмечено! Да, несомненно, нам часто мешают видеть в людях, событиях, фактах свои сложившиеся представления на, казалось бы, давно знакомое нам, и изменить эти представления бывает трудно. Даёт себя знать консервативность мышления. Для учителя способность менять свой взгляд на ученика лежит в основе его педагогической профессии. Без этой способности вряд ли стоит ждать успеха в работе.

*В*ерю в некую аксиому – **педагогом человека сделать нельзя**, но можно научить его работать.

Чтобы стать настоящим педагогом, необходимо обладать ярко выраженными способностями, иначе говоря, талантом, который заложен в молодом человеке генетически. Но научить учительскому «ремеслу» (в хорошем смысле этого слова), при желании к этому самого человека, можно. И не только можно, но и нужно!

Это необходимо потому, что одного таланта мало: талант надо уметь направить на те цели и задачи, которые учитель ставит перед собой. Без умения работать вряд ли это достижимо, даже при большом таланте.

Вот почему для молодого учителя школа, куда он пришёл работать, – это продолжение учёбы, которая, в сущности, для учителя никогда не кончается. И если он это понимает и готов этому следовать – есть большая уверенность в том, что со временем он станет настоящим педагогом.

Ойжу в Большом зале Московской Консерватории на третьем туре скрипачей конкурса имени П.И. Чайковского. Музыканты по условиям конкурса на третьем туре исполняют Моцарта, выходя по очереди на сцену. Как великолепно звучит инструмент у юноши, который сейчас стоит на концертной эстраде! Какой волшебный звук рождает его великолепная скрипка. Но, увы, молодому человеку не хватает школы, выучки. Поэтому Моцарт в его исполнении звучит вяло, неинтересно. За ним выступает девушка, за игрой которой уже проглядывается мастерство, даже талант. Однако плохой инструмент, который в её руках, не даёт необходимого звучания. Вот соединить бы, думаю я, инструмент одного со школой другого – как зазвучал бы Моцарт!

И я невольно, сидя в зале, экстраполирую ситуацию на школьного учителя. Он ведь тоже, как эти два музыканта, выступает перед учениками в роли исполнителя. Только, в отличие от них, он сам себе и скрипач, и скрипка. **Его инструмент – душа, как, впрочем, и ум.** Используя эти инструменты, он мастерски может влиять на детей. И это облагораживающее влияние помогает детям расти, становиться лучше.

Только, в отличие от музыкантов, его ситуация сложнее: он не может, как музыкант, при желании заменить свой инструмент на другой. Он может только играть на том инструменте, который ему подарила природа. И в этом одна из сложностей нашей удивительной профессии. Вот почему настоящим учителем стать не так просто. Нужно мастерство и тот инструмент, который помогает его оттачивать. И всё это в нём, в одном человеке – в учителе.

Быть учителем – это **постоянно работать над собой.**

В данном случае речь идёт не столько о профессиональной, сколько о духовной составляющей личности педагога. Быть учителем – это, несомненно, призвание и талант. Но это ещё и постоянное самосовершенствование, непрерывная, вдумчивая работа над собой. Всё это требует, конечно, немалого терпения и трудолюбия, жизненного подвига.

Духовная жизнь человека может быть по-настоящему богатой только в тесной связи её с литературой и искусством. Художественная литература, искусство, отражая драматизм жизни, способствуют духовному росту человека, помогают раскрывать ему крылья, чтобы он понимал, что жизнь прекрасна, когда она лишена порока, греха, злого начала. Искусство, как и литература (будучи искусством слова), помогают собственному пониманию человека, истории, судьбы страны. Нетрудно понять, как это важно для учителя, для его духовной культуры.

Когда-то, в начале тридцатых годов прошлого века, на одном из совещаний творческой интеллигенции была произнесена замечательная фраза: *«Каждый деятель искусства должен быть хозяином в кладовках мировой культуры»*. Она принадлежит Николаю Ивановичу Бухарину. Эти прекрасные слова с полным основанием можно отнести не только к деятелям искусства, но и к учителям.

Почему это для них особенно важно? А потому что вырастить честного, порядочного, духовно богатого человека можно только приобщением его к высокой культуре, погружением в неё. И эту культуру должен

передать ребёнку, наряду с родителями, умный, образованный учитель. Нельзя передать другому то, чего у тебя нет.

И только педагог, живущий богатой духовной жизнью, сам растущий духовно, может выполнить эту благородную задачу, возложенную на него.

У снова про любовь.
У Гёте: «Хорошо научиться можно у того, кого любишь». Но ведь для того, чтобы кто-то полюбил тебя, нужно, чтобы ты полюбил его.

Однако любить детей вообще и любить их порознь совсем не одно и то же. Очень трудно влюбить каждого в себя, как бы этого ни хотелось. Но в любом случае ученик должен почувствовать, может быть, не столько любовь, сколько интерес учителя к нему, и этот интерес, несомненно, обеспечит его успех в учёбе.

Так бы я прокомментировал мысль Гёте.

Две важнейшие профессии, имеющие прямое отношение к человеку – врач и педагог. Один заботится о физическом здоровье человека, другой – о духовном.

Но если в основе врачебной деятельности лежит, главным образом, знание, которое является важнейшей её составляющей, то **в основе педагогической профессии лежит чувство.**

Врач – это глубокое и точное знание биологической природы человека и, как следствие, способность нормализовать её нарушения, хотя при этом чувственное восприятие человека для врача, безусловно, важно.

Педагог – это тонкое умение почувствовать другого, понять его, без чего вырастить человека, обогатить его духовный мир невозможно. Хотя при этом важно знание его духовной природы.

Итак, врач – это **рациональное** восприятие мира, педагог – **чувственное.**

Таковы эти две близкие друг к другу и в чём-то разные профессии.

Всё-таки хороший педагог может вырасти из человека, который **сам помнит своё собственное детство**, а также детство и отрочество своих сверстников.

Это одно из условий формирования его будущего педагогического мастерства. Многие беды в отношениях взрослых и детей, особенно подростков, происходят из-за того, что взрослые люди оценивают их поступки своими взрослыми мерками. Отсюда наше частое раздражение, нервозность и в конечном счёте взаимное отчуждение, непонимание друг друга, утрата взаимного доверия, взаимного интереса, более того, отчаяние, которое часто овладевает нами в работе с детьми, особенно трудными, сложными.

Вместе с тем наши требования к ним необходимо терпеливо разъяснять, убеждать подростка в их разумности, в их полезности для него самого. Вот в этой работе особенно важна способность учителя мысленно представить себя на месте ребёнка, подростка в данной конкретной ситуации с целью понять его психологию. И в этом случае нам поможет наша память, память о своём собственном детстве, отрочестве.

Так формируется наша **учительская мудрость**, помогающая нам растить другого человека.

Есть педагоги от Бога, а есть педагоги от профессии. Педагог от Бога наделён от природы тем тонким чутьём, пронизательностью, которые позволяют ему постичь ребёнка, услышать его внутренний голос, понять и принять в тех или иных ситуациях единственно правильное решение. Одним словом, учитель от Бога – это интуиция. Его талант помогает ему легко и бережно прикоснуться к детской душе, без особых усилий оказать огромное влияние на ум и сердце ребёнка. Таких педагогов – с ярким педагогическим талантом, – к сожалению, очень мало.

А вот педагогов от профессии достаточно много. Они овладели педагогическим ремеслом (в лучшем его понимании), что, несомненно, требует определённых усилий – физических, духовных, душевных. Среди них есть много замечательных учителей, умных, душевно богатых, которых по-настоящему ценят и любят дети. Они отлично понимают, что каждый день, осторожно прикасаясь к душе ребёнка, подростка, мы тем самым прикасаемся к его судьбе. Именно на них держится школа – всё самое лучшее, что в ней есть.

Настоящий учитель умеет создать между собой и учеником **особое поле принятия ребёнка**. Без такого принятия вырастить его трудно. При этом хороший педагог сумеет принять подростка таким, какой он есть, со всеми его достоинствами и недостатками. Особенно это важно в работе с трудными, сложными подростками. Такое общение, лишённое малейшего формализма, казённости, как правило, окрашено доверием, неподдельным интересом к ученику, искренним желанием его поддержать в трудной для него ситуации, не подвести. С другой стороны, сам подросток должен принять такого учителя, почувствовать его искренний, а не показной интерес к нему, понять, что учитель с ним общается не по должности, а по велению души.

Без такого поля взаимного притяжения, без того общего языка, который даёт возможность учителю и ученику понять друг друга, проблему с трудными подростками вряд ли можно решить.

Вот почему самое страшное, что может допустить учитель, – отторгнуть от себя сложного, трудного, не поддающегося воздействию учителя ученика, даже ожесточить его, а нет ничего страшнее в школе, чем ожесточившийся ребёнок.

Но создание этого поля принятия подростка – искусство непростое, трудное для многих учителей, однако каждый учитель должен сделать всё возможное, чтобы им овладеть.

*«**Б**ыть человеком очень трудно. Быть человеком – подвиг. Жить жизнью осознанной, целеустремлённой, жить с болью человеческой – это очень трудно. Это большой подвиг, это крестный путь».*

Эти пронзительные строки принадлежат покойной Паоле Волковой, выдающемуся искусствоведе, автору замечательной книги «Мост через бездну».

Они невольно заставляют задуматься о смысле той жизни, в которой мы живём, о её бренности, высоком предназначении человека, о жизни каждого из нас как судьбе. Но ведь, растя наших детей, мы не можем не думать о той жизни, в которой предстоит жить им, и о той **человеческой боли**, без которой жизнь нормального человека состояться не может, и о тех **трудных испытаниях**, а не только о радостях, которые их в этой жизни ждут. Они вряд ли в своём нежном возрасте это поймут. Но мы-то это хорошо понимаем, готовя их к будущему?

У Сент-Экзюпери в «Письме заложнику» есть такая фраза: «Жизнь создаёт **порядок**, но порядок не в силах создать **жизнь**».

Как это верно подмечено!

Между тем приходится часто наблюдать, как в школе пресловутый порядок создаётся не ради жизни, а ради порядка, а иногда и вопреки жизни. Учителю же в работе с детским коллективом надо заботиться не столько о порядке, сколько о разумной жизни детей, той жизни, которая, как писал Экзюпери, этот порядок создаёт.

Применительно к нашей учительской профессии широко распространено выражение: «**гуманная педагогика**». В своё время, помню, выходила даже серия книг под названием «Антология гуманной педагогики». Каждая из них была посвящена жизни и творчеству замечательных людей, внесших свой вклад в развитие педагогической науки и педагогической практики. Будучи совсем молодым учителем, я невольно задавал себе вопрос: а разве педагогика может быть не гуманной? Мне казалось, что педагогика, в центре которой отсутствует ребёнок со своими интересами, увлечениями, тревогами, страстями, – это, в общем-то, и не педагогика. Со временем я понял, что педагогика, наряду с гуманной, может быть и другой – авторитарной. В чём разница между ними? В основе гуманной педагогики лежит тесное сотрудничество между учителем и учеником, при котором ученик выступает не столько как объект воспитания, сколько как его субъект. В **авторитарной педагогике** система отношений между учителем и учеником выстраивается по-другому принципу: начальник (учитель) и подчинённый (ученик). Это создаёт совсем другую атмосферу общения, лишая его подлинной доброты, доверительности и взаимной заинтересованности. К сожалению, наша советская тоталитарная школа не могла быть иной, кроме авторитарной, хотя в ней было много разных учителей, в том числе исповедующих подлинно гуманную педагогику.

Но вот что я наблюдаю. Многие учителя, выросшие в своё время в советской школе, вольно, чаще

невольно, привнесли в современную школу ту авторитарность, в которой их когда-то воспитывали. С такими учителями детям нелегко.

Ещё раз об **общей культуре** учителя, о его **кругозоре**, который даёт ему возможность беседовать с подростком не только о своём учебном предмете, не только о том, что было на уроке, но и о многом другом, скажем так, на отвлечённые темы.

Как тянутся ребята к таким учителям! И как высок их авторитет!

Случайно ли это? Разумеется, нет. Проявляется тот инстинкт познания, о котором мы уже говорили. Надо только уметь этот инстинкт разбудить. Вот учитель с широким кругозором, знаниями, которые выходят за пределы наших уроков, не замкнутый только на своём предмете, это умело сделает, обогащая внутренний мир ученика, показывая ему невольно значимость той духовной составляющей в жизни человека, которая эту жизнь делает по-настоящему интересной и увлекательной. Более того, показывая подростку, что нельзя в своей жизни замыкаться на чём-то одном, каким бы интересным оно ни было. Давая ему понять, что мир значительно шире и богаче его представлений о нём.

Замечено, что люди делятся на тех, кто способен к **духовному росту** лишь в сравнительно недолгие молодые годы (как сложилось когда-то к 25 годам – так и живёт) и тех, кто одарён **способностью к внутреннему движению на всю жизнь**.

Как сделать так, чтобы внутреннее духовное напряжение сохранить на долгие годы?

Конечно, здесь важную роль играет генетика, тот импульс, который заложен в человеке природой. Но и воспитание вносит свой вклад в это духовное движение. Точнее говоря, эти два фактора как бы дополняют друг друга. В воспитании в данном случае, безусловно, важно вооружить ученика многими знаниями, интерес к которым сохранился бы на всю жизнь. Но главное – сформировать способность к постоянному приобщению к новым, неизвестным знаниям. Этот интерес не позволит человеку остановиться в своём развитии в молодые годы, обеспечивая его непрерывный духовный рост.

Я верю в то, что **все дети талантливы**. Другое дело, что далеко не каждый талант востребован школой.

Задача учителя не только в том, чтобы помочь ученику развить талант, но дать понять ученику, что **талант, отпущенный ему природой – это ещё и большая ответственность**.

Я часто вспоминаю замечательные слова Евгения Баратынского: *«Дарование есть поручение, которое следует выполнить как можно лучше»*. Поручение, разумеется, не от государства. Это поручение свыше. Для того чтобы выполнить его именно так, талант надо умело организовать. Есть люди, которые это могут сделать самостоятельно, другим – необходима поддержка. Такая учительская поддержка, безусловно, нужна талантливому подростку. В чём она? В первую очередь, в воспитании его характера – сильного, волевого. Готовности к преодолению себя, умению справиться с неудачей. Без этого талант может угаснуть.

Все эти качества вырабатываются только в постоянной деятельности, в которой полно и ярко раскрывается талант ученика. Иначе говоря, необходимо как бы постоянно «подкармливать» его той работой, которая может развить его дар. Это может осуществить лишь тот учитель, который глубоко и всесторонне владеет наукой, основам которой он учит детей. Такой учитель всегда найдёт пищу для ума одарённого ученика.

Всю свою жизнь я, постоянно общаясь с подростками, наблюдая их поведение, не перестаю удивляться тому, как во многих из них уживаются те **черты характера, которые**, казалось бы, **противоречат друг другу**:

доброта и жестокость,
безобидное тщеславие и корысть,
откровенность и скрытность...

Всё в них есть, кроме, может, ханжества. Но вот они постепенно взрослеют и как многие люди стараются скрыть дурное в своём характере. Об этом перевоплощении подростка во взрослого человека интересно размышляет французский писатель Мишель Уэльбек: *«В тринадцать лет, – пишет он, – все импульсы человека проявляются с максимальной силой, затем они начинают постепенно слабеть либо оформляются в определённые человеческие модели и в этих формах застывают навсегда. Мощност первоначального взрыва такова, что исход конфликта может долгие годы оставаться неясным; в электродинамике это называется переходным состоянием. Но мало-помалу колебания замедляются, превращаясь в длинные волны, меланхоличные и нежные; с этого момента всё сказано, и жизнь становится лишь приготовлением к смерти. То же самое можно выразить грубее и приблизительно, если сказать, что **взрослый человек – это укрощённый подросток**».*

Становится понятным, почему многие взрослые люди и, увы, учителя так плохо чувствуют подростка, не понимают его, не хотят, да и часто просто не могут разобраться в его проблемах, а ведь проблемы

у него есть и их немало. По-видимому, многим взрослым подросток попросту неинтересен, а что-то в нём может даже отталкивать. Тот мир, в котором они когда-то жили, будучи сами подростками, давно застыл в них навсегда.

Вот почему от учителя в этих условиях требуются определённые усилия для понимания тех процессов, которые происходят в жизни подростка и о которых пишет Уэльбек: умение бережно и тактично скорректировать те импульсы, о которых он говорит, помочь подростку безболезненно выйти из любой сложной для него ситуации. Одним словом, помочь его взрослению. Эти усилия, как показывает опыт, далеко не каждый учитель способен проявить. Вот почему многие подростки остаются без поддержки взрослых людей. И это большая не только их беда, но и наша, которую мы недооцениваем.

Я думаю нельзя себя называть учителем кого-либо.

Учеником могу назвать лишь того, кто меня назовёт учителем. Учитель – это не тот, кто чему-то конкретно кого-то научил, а **тот, кто оказал на кого-то сильное влияние**. Вот это последнее – самое главное в слове учитель.

Это влияние, как правило, выходит далеко за рамки предмета, которому учит учитель, преобразуя всю духовную сферу ученика, меняя его взгляды на жизнь и себя самого в этом бушующем и во многом непредсказуемом мире.

Чувство этого глубокого влияния на внутреннюю жизнь ученика остаётся в нём на всю долгую жизнь, даже когда многое выученное им в школе забыто.

И все лучшие педагоги всегда оставались в памяти детей не только и даже не столько теми конкретными знаниями, которые они давали на уроке, а тем богатством и обаянием ума и души, которые со временем преобразовывали весь внутренний мир ученика, ставшего потом взрослым человеком.

Как в педагогике, **в общении с ребёнком важна правда.** Для ребёнка она главное в его отношении со взрослым.

Но вот что я часто замечал. Большинство взрослых людей живут правдой ума, а педагогика – это та, может быть, единственная сфера человеческой деятельности, где так важна правда чувства, правда сердца. Сердце всегда подскажет учителю правильное решение.

Более того, этой правде сердца взрослого человека ребёнок поверит быстрее, чем правде ума. С этой правды, в сущности, начинается то доверие, без которого слово «педагогика» – ничего не значащий звук. Это доверие нужно особенно тщательно беречь.

Об этом когда-то прекрасно сказал В.А. Сухомлинский: *«Детское доверие к учителю – это капля чистой росы на цветке розы: не стряхните её!»*.

Только при условии такого доверия учитель сможет открывать для себя новое в ученике: его мысли, чувства, знания. А эти открытия для нас так интересны и так важны!

От дефицита взаимного доверия – многие беды нашего воспитания.

Опять приближается **пора выпускного вечера**. Он, как всегда, окрашен ноткой печали. Будто именно отсюда молодые люди разойдутся навсегда и отправятся по разные стороны фронта вечной войны: одни – в траншеи доброты, другие – в блиндажи эгоизма. Почему в разные стороны расходятся ребята по окончании школы, в которой они проучились вместе долгие годы: росли, мужали, становились умнее и лучше? На этот вопрос нет и не может быть простого однозначного ответа.

Часть ответа может выглядеть так.

Скажем прямо, большинство учителей в своей повседневной работе занимаются текущими проблемами воспитания и не умеют держать в поле зрения конечные его цели. Это не так просто – видеть эти конечные результаты как следствие большой, целенаправленной, повседневной работы. И, конечно же, «западает» индивидуальная работа с подростками, а без учёта их индивидуальных особенностей проблему воспитания каждого решить почти невозможно.

Что такое образование? На этот вопрос, пожалуй, сразу не ответишь. Но вот мысль, красивая и, по-моему, очень точная, идущая из глубины веков: **образование – это то, что остаётся в человеке, когда всё выученное забыто.** Такая формулировка невольно заставляет задуматься.

В самом деле, что же остаётся в человеке, когда выученное забыто?

Конечно же, **способы мышления.** Его стиль, глубина, подвижность, оригинальность ума. Каждый предмет, изучаемый в школе, оставляет свой неизгладимый след в способности мыслить, присущей конкретному знанию, формируя определённую культуру мышления. И каждая из этих культур, закладываемых в ходе образования, со временем становится частью общей культуры образованного человека. Многое из того, что изучалось и запомнилось на многих школьных уроках, забылось, а это навсегда осталось. Это и есть важнейший итог образования.

Но одни знания, как бы глубоко и прочно они ни были усвоены, культуру сформировать не могут. Необходимы ещё **интеллектуальные умения,** которые помогают эти знания реализовать. Это умение устанавливать причинно-следственные связи между объектами окружающего мира, его явлениями, событиями; умение их сравнивать, обобщать, переносить знания из знакомой ситуации в незнакомую и многие другие чисто интеллектуальные способности, которые вырабатываются в ходе образовательной деятельности.

Что ещё остаётся в человеке после всего забытого?

Конечно же, **мировоззрение** – взгляды на мир и ту конкретную реальную жизнь, в которой живёт каждый человек. И в этом смысле взгляды просвещённого человека, если эта просвещённость не формальная, не могут не отличаться от взглядов человека, явно ограниченного.

Наконец, **идеи**, которыми руководствуется человек в своей жизни и деятельности. И не только идеи, но и **идеал** – та вечная тоска по нему, по той далёкой и недостижимой путеводной звезде, которая помогает человеку не сбиться с жизненного курса, преодолевая многое на своём пути.

Вот что, оказывается, остаётся в человеке, когда всё выученное забыто. Как видим, – огромное богатство, которым нужно умело распорядиться. В связи со всем сказанным, становятся по меньшей мере странными суждения о том, что школа даёт человеку многое, якобы ему ненужное, поскольку оно со временем забывается и не используется им. Зачем, к примеру, нужна химия, когда все, кроме людей, прямо или косвенно связавших себя с этой наукой, большую часть знаний давно утратили? А кто, не занятый профессионально математикой, может решить простое квадратное уравнение, которое он успешно решал, сидя за школьной партой? А о чём закон Бойля-Мариотта, который когда-то учили на уроке физики? Этот перечень знаний, которые, с вульгарной точки зрения простого обывателя, являются «лишними», можно продолжить.

На самом же деле лишних знаний не бывает. Любое знание на определённом этапе жизни, тем более в школьном возрасте, формирует внутренний мир человека. Да, многие знания, полученные за школь-

ной партой, со временем умирают, но без них, без этих знаний, усвоенных в детстве и забытых потом во взрослой жизни, не было бы того духовного напряжения, которое свойственно по-настоящему образованному, интеллигентному человеку.

И может быть, в умственном и интеллектуальном развитии будущего литературоведа, историка или юриста, как это ни может показаться странным, математика когда-то сыграла свою, присущую ей роль не менее, а может быть, в чём-то более важную, чем литература или история. Да, та математика, которая в человеке во многом давно умерла, но вложила свой, я бы сказал, – выдающийся вклад, в формировании системного ума по-настоящему образованного человека.

Как часто мы в работе с подростком в поисках влияния на него используем **нормы морали** и значительно реже **возможности искусства**. А ведь в воспитании определённых личностных качеств подростка мораль может ученика и отталкивать, что часто и бывает, ибо в основе морали всегда лежит императив, приказание. Таково свойство морали. Не случайно когда-то И. Кант заметил: *«Мораль потому пользуется императивом, что она боится, что мы её не послушаемся»*. Да что тут говорить! Вся Нагорная проповедь Христа построена на этом императиве (*«Не убий, не укради...»*).

В отличие от морали, искусство ничего не приказывает, а свойственными одному ему путями оказывает огромное воздействие на сознание и душу человека, часто меняя их настрой. Простая игровая форма урока может сделать то, что не сделает даже глубоко продуманное назидание учителя. Ну, а погружение подростка в искусство, когда он выступает на школьной сцене, может иногда даже незаметно для него, делать с ним чудеса, преображая его внутреннее душевное состояние. Ведь играя доброго, он становится ещё добрее, а играя злого, невольно вырабатывает в себе иммунитет к злу. И как подростки любят игру, как тянутся к ней! Но, к сожалению, далеко не каждый учитель владеет способами вовлечения ребят в игру, из-за чего возможности нашего педагогического влияния на них явно суживаются.

Как сделать так, чтобы **настоящий смысл** того **урока**, который только что закончился, был до конца понят каждым учеником? И в чём он, этот смысл? Без понимания этого урок теряет свою значимость.

С чего, как правило, начинается обычный урок? Во всяком случае, должен начинаться.

Учитель объявляет тему и цель урока. Хороший учитель обязательно выпишет это на классную доску или спроектирует на экран. Ребята это запишут. Эти записи ученик держит в поле своего зрения в течение всего урока. Это всё то, что делает большинство учителей. Что происходит дальше? Урок идёт своим чередом. Содержание и формы его могут быть, разумеется, разными. Учитель стремится при этом выстроить урок так, чтобы его учебный материал был понят каждым учеником. Это понимание на разных уроках может быть разным: более глубоким на одних и на уровне первичного усвоения на других.

Но вот урок приближается к концу, и тут наступает очень важный момент. Думающий учитель попросит ребят вернуться к началу урока и обратить внимание на ту целевую установку, которая была сформулирована 40 минут тому назад в самом начале урока. Эта цель перед каждым из них в их записях и на доске (или на экране). И учитель задаст классу, может быть, один из главных вопросов урока: достигли ли мы этой цели и если достигли, то в какой мере? Этот вопрос только с первого взгляда кажется простым. На самом деле он требует от каждого глубокого размышления, особенно если материал урока был достаточно сложным. Более того, ответ на этот

вопрос не может быть однозначным, а всегда доказательным.

Почему этот вопрос учителя в конце урока так важен? А потому, что с его помощью во многом раскрывается тот смысл, который заложен в любом школьном уроке.

Так, соединяя начало урока с его концом, мы как бы урок «закольцовываем». Это очень важное умение, которому многие учителя не придают значения. А жаль!

Что такое культура? Я представляю её как **нравственный опыт народа, запечатлённый в памяти. Культура – это память.** Эта память живёт в творениях искусства, литературы, зодчества. Наконец, и может быть, это главное, в нормах морали. И чем шире и глубже эта память, тем глубже и шире культура человека, тем свободней ощущает он себя в пространстве мировой культуры.

Но такую культуру формируют не только искусство и литература, но и науки, к которым приобщается ученик, сидя за школьной партой. Ведь конечная цель изучения любого учебного предмета в школе – вооружение школьника культурой, присущей данной науке. Мы можем, таким образом, говорить о филологической, математической и любой другой культуре, к которой приобщается школьник в ходе своей образовательной деятельности. И как важно, чтобы каждый учитель понял для себя эту задачу, руководствовался ею и умел такую культуру выработать у каждого ученика, заканчивающего школьное образование.

Мы часто говорим о **воспитательных возможностях детского коллектива**. Воспитание в коллективе, через коллектив – одна из основных установок советской педагогики, и в ней есть много разумного, ибо здоровая среда, несомненно, оказывает благотворное влияние на человека. А уж если иметь в виду детскую среду, то духовный и душевный рост ребёнка, подростка под влиянием здорового коллектива тем более важен.

В такой среде каждый, общаясь с другим, безусловно, обогащается. Этот процесс в какой-то степени напоминает притирку алмазов в плотной среде относительно друг друга. В ходе такой притирки алмазы гранятся, шлифуются, постепенно превращаясь в бриллианты. Вот почему преуменьшать влияние коллектива на внутренний рост ученика неправильно. Впрочем, точно также не следует его преувеличивать. Внутренний рост происходит не только в общении с другими, но и наедине с самим собой – со своими мыслями, заботами, мечтами. Более того, ребёнок иногда должен спастись от тягот артельной жизни. И не надо учителю быть обязательно недовольным, если кто-то не пошёл с классом в театр или музей. Ситуация абсолютно нормальная, и её не надо драматизировать, как это делают некоторые учителя.

Давно замечено, что большинство абитуриентов, поступающих в педагогические ВУЗы, руководствуются в первую очередь **не столько любовью к детям, сколько желанием приобщиться к той науке, которая вызывает их интерес.**

Проходит несколько лет, молодой учитель приходит в школу, и первые трудности в работе возникают у него вовсе не потому, что он недостаточно владеет своим предметом, а из-за отсутствия умения найти подход к тем детям, которым он знания этого предмета должен передать. А ведь это огромное искусство, которому ВУЗ, к сожалению, плохо учит будущих учителей, и большинство учителей учатся ему, что называется, по ходу работы.

Так формируется настоящий учитель, который соединяет в себе любовь к предмету и интерес к детям, которых он этому предмету учит. Интерес не обывательский, а педагогический.

Образование – понятие достаточно сложное. Это не просто трансляция знаний и частных умений. **Образование – это сокровище, скрытое в сокровище.** Это то, что даёт детям возможность:

- научиться познавать;
- научиться делать;
- научиться жить с другими людьми.

Самое трудное и, может быть, самое важное – последнее – научиться жить вместе, научиться жить с другими людьми. И не только научиться, но и научиться этому нелегко.

Что мешает некоторым людям быть опрятными в общении с другими? Чаще всего – **отсутствие терпимости.** Терпимости как снисходительного отношения к людям, их слабостям, их недостаткам, если их недостатки не мешают другим. Эта та доброжелательность, которой часто не хватает нам самим, и которую мы ждём от других. Вспомним Анатоля Франса:

– Не будьте справедливы, – говорил он, – будьте терпимы!

К сожалению, у многих учителей эта способность тоже далеко не всегда присутствует. Этому чаще всего мешает чрезмерный максимализм, свойственный учительской профессии. Он не даёт возможности учителю увидеть подростка таким, каким он есть, и спокойно работать над тем в его характере, что может мешать его внутреннему росту. Счастливы учителя, способные преодолеть в себе этот максимализм как явно завышенную оценку ученика, мешающую, как ни странно, этому росту.

Мы говорим о **непременной вере учителя в ребёнка**, как необходимом условии его успешного роста. Эта вера так помогает человеку становиться лучше! Но мне приходилось встречать в жизни и работе учителей, увы, лишённых этого чувства.

Для того чтобы верить в ребёнка надо обладать определённым свойством характера, а именно – оптимистическим взглядом на жизнь вообще и на ребёнка в частности. Дело в том, что пессимист в каждой возможности всегда видит трудности, а оптимист в каждой трудности видит возможности. В достаточно сложной учительской профессии это очень важно. Вот почему только оптимистически настроенный учитель всегда найдёт в ребёнке точки роста и, опираясь на них, постепенно поможет его внутреннему росту.

При всей сложности учительской профессии со многими умениями, которыми учитель должен овладеть, что является всё-таки главным, определяющим в его профессиональной принадлежности?

Думаю, что при всех его компетенциях, которые ему помогают в работе, главное – **искренний интерес к ребёнку**. Без него всё остальное теряет свой смысл. Этот интерес проявляется даже в повседневных, мимолётных, казалось бы, ничего не значащих мелочах жизни. Об этом хорошо сказано у Юнны Мориц:

*И нежной женщины крылатая рука
Вдруг позовёт ребёнка – он рванётся,
Но, как бы что-то вспомнив, улыбнётся
Улыбкой царской мне издалека.*

Вот если человек способен не только заметить и оценить эту царскую улыбку, но и невольно задерживать на ней своё внимание, в ответ сам улыбнувшись ей, в нём, может быть, есть то главное, что нужно педагогу, всё остальное – дело наживное.

Ю. В. Завельский

ЕЩЁ РАЗ ОБ УЧИТЕЛЕ: МЫСЛИ ВРАЗБРОС

Дизайн обложки
Компьютерная верстка *Середа Т.В.*

Подписано в печать 25.05.2017
Формат 60×84/16. Объем 3,63 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 611

Издательство «Прометей»
115035, г. Москва, ул. Садовническая, д. 72, стр. 1
Тел./факс: 8 (495) 799-54-29
E-mail: info@prometej.su

ISBN 978-5-906879-62-2

9 785906 879622